

Вег. Москва - 1999 - 30 дек - с. 7.

Сад и шах

Анатолий КОРОЛЕВ

Анечка — одна из самых стильных женщин Москвы. Она водит элегантный «Форд-Скорпио», редактирует крутую газету «Среда», пишет живые стихи, которые ворочаются в душе, как птенцы в кулаке птицелова, клюют и попискивают, написала две книжки оригинальных рассказов, увы, неизданных. А еще она из любви к прекрасному предпочитает жить только в домах, которые спроектировал архитектор Жолтукский. Сказано — сделано. Из окна ее квартирки открывается чудный вид на монумент «Рабочий и колхозница», в середине гостиной стоит замечательная колонна, на стене, надеюсь, висит мой коллаж «Вифлеем, утро», залиристо лает любимая лайка, а в углу стоит монументальный письменный стол поэта Давида Самойлова, доставшийся по праву пиитического наследия ее мужу, поэту Олегу Хлебникову.

Признаться, я не знаю толком, откуда появилась на свет такая замечательная фамилия — Сад-Шах. Могу сам спросить Аню, но приятней питаться слухами и легендой про то, что однажды молодой московской красавицей увлекся сказочный наследный принц одной монархии в Гималаях и увез пленницу с собой в заоблачный замок с видом на Эверест. Там она немножко скучала, как Людмила без Руслана у Пушкина. Гуляла в безлюдных садах, кушала финики и щербет. Каталась на священном белом слоне по кругу и нашла в цветущих лотосах на пруду двух спящих прелестных смуглых курчавых детишек. Она принесла находку во дворец, оказалось, что это девочки... Тут из ущелий наползает густой вечерний туман, и, что случилось дальше с той принцессой, мне решительно неизвестно.

Вчера я с ней опять разговаривал по телефону и пенял:

— Аня, почему ты никому не предлагаешь свои рассказы?

— Неохота.

— Что значит, неохота? Ты пишешь замечательные рассказы, которые должны знать.

— Неохота суетиться.

— Полчаса назад мы говорили про тебя с Храмовым. Оказывается, ты ходила к нему в какой-то литературный кружок и уже тогда ты была самой талантливой. А еще один твой поклонник драматург Александр Николаевич Мишарин считает, что без горчинки твоих маленьких публикаций «Новая газета» разом теряет тон сострадания к людям и начинает отдавать политиканством.

Аня молчит.

Удивительная женщина! Вокруг нее всегда кипит жизнь, орут телефоны, взрываются авторы, булькают чашки кофе, крадутся бумаги. Вот прыгает на заголовки очередная верстка газеты, вот виснет на руках макет, а она сидит, скажем, со сломанной ногой в гипсе, и нет ей до себя никакого дела. Пишет стихи — теряет написанное. Пишет рассказы — не может найти экземпляр. Как такая неозабоченность собой сочетается с трезвой практичностью? Ума не приложу.

Женщина из двух половинок. Первая — рассудочная, компанейская, ироничная дива в кожаной куртке с заклепками на гоночном мотоцикле САЕД, вторая — романтическая белоку-

рая всадница на коне из папьемаше, что вечно скачет вокруг карусели, ШАХ.

Ее рассказы написаны как бы нарочито просто, шершаво, грубо быстро, разговорным языком. Никаких красот стиля, метафор, финтифлюшек. Но проза ее отличается удивительной жизненной силой. И еще — беспощадностью наблюдения, которая могла бы обернуться чуть ли не жестокосердием, если бы основой повествования не стала исключительная ранимость автора.

Одинокая старуха в забытой богом деревне, детский дом, переехавшая колесом собачья лапа, плачущий ребенок, мать-одиночка, картошка в мундире, соль, еврейская девочка и ее несчастная скрипка... Из такого рода царпин складывается пейзаж ее прозы, нарисованный не чаем, как у Павича, а пальцем в зеленке на марле или пятнами марганцовки.

Недавно она читала один свой рассказ «Москвич с ручным управлением» в галерее «Дар» на Полянке. Читала просто, без игры на разные голоса, и постепенно мы все оказались в тесноте запущенной квартиры, где живет несчастная мать с сыном-инвалидом в инвалид-

ной коляске. И надо же, мальчик взрослеет, наступает пора, когда его потянуло к женщинам, которых нет и не будет, кроме одной — забытой бытом, замордованной житейным собственным матери. И та чувствует страшную тягу сына-мужчины и еще больше

заматывается в суету, в кокон быта для того, чтобы уже не быть женщиной ни для кого и никогда, даже для самой себя.

Постепенно чтение достигло такой электрической силы, что мурашки побежали по коже...

Неудивительно, что по воскресеньям она ездит в детский дом, где у нее есть младшие друзья, никого при этом не агитируя и не осуждая за черствость души. Это надо прежде всего ей. И точка.

И тут же рядом с прозаической драмой Анна может выдать на две полосы крутой фельетонный разнос современной музыкальной поппсы, отхлестать по щекам парочку репутаций, язвительно назвать вещи своими именами. И нет в ее разбойничьем свисте уже ни капли сострадания, ни грамма сочувствия, а есть одна веселая залихватская злость мотоцикла, который выехал на газон и раскатывает во всю прыть по зеленым щекам самолюбий.

Думаю, в детстве она любила хлопать надувные шары на первомайской демонстрации и драться с мальчишками во дворе. И я по себе знаю: у таких мальчишеских девочек самое романтическое мечтающее сердце.

А может быть, я ошибаюсь, и она была девочкой из музыкальной школы, которая чинно шла со своей вечной скрипочкой по моему двору, в которую так здорово было пулнуть ядреным снежком.

Странно знать, что я пишу все это к ее круглой дате.

В ее душе всегда рядом — любящий САД и обжигающий душу ШАХ. Белизна и обугленная чернота. Август и декабрь. Морская пена и снегопад. Самоотдача цветения и лед шахматной доски с черной королевой в атаке впереди левого фланга:

— Шах!

И ты сдаешься, чтобы не получить мат через три хода.

134